

Н. ЕФИМОВА

МОТИВ БИБЛЕЙСКОГО ИОВА В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ»

В русском и иностранном литературоведении гуманизм Ф. М. Достоевского, его отношение к жестокости и страданию невинных, тема «детской слезинки» привлекают внимание многих исследователей. Данная работа рассматривает влияние Книги Иова на литературно-философскую концепцию Достоевского в целом и на его последний роман в частности и предлагает еще один взгляд на то, как автор «Братьев Карамазовых» понимал бытие и причины существования зла на земле.

Книга Иова, входящая в Ветхий завет, представляет собой ценнейший, до сих пор полностью не разгаданный художественный источник, к которому постоянно обращаются философы, ученые и писатели. Написанная неизвестным автором примерно в V—IV в. до н. э., она содержит более поздние вставки, а также фрагменты из более ранних источников. Действие повествования происходит примерно за тысячу лет до времен автора на земле Уц, которая, скорее всего, соответствует Эдому, северному Заорданью или Хаурану, т. е., несмотря на то что автор, по-видимому, иудей, он помещает своих персонажей за пределы Израиля. По литературной форме произведение напоминает греческую трагедию, своего рода параллель к театру Еврипида, где обычно герой идет от успеха к роковой развязке, но в отличие от большей части трагедий Еврипида история Иова в конце концов заканчивается благополучно. В центре событий лежит конфликт Иова с Богом, прямота и честность простого смертного и честность Создателя вселенной. Пролог и эпилог, написанные в прозе, создают обрамление сюжета, переданного в поэтической форме. Начальные строки пролога создают прелюдию, несущую важную информацию. Иов описан как патриарх, праведник с героическим прошлым. Затем действие переносится на небеса, где завязывается конфликт древнееврейского бога Яхве с Сатаной. Яхве хвалится перед падшим ангелом преданностью своего слуги Иова, а Сатана подбивает Творца испытать его, сомневаясь, что тот в несчастье сохранит веру. Таким образом, Иов становится жертвой жестокой проверки, задуманной, чтобы удовлетворить тщеславию Яхве. Бог насыляет на Иова бедствия: лишает его богатства, убивает всех его детей и поражает его жестокой болезнью. Пролог

представлен не в виде отдельного рассказа, а как первое действие в развитии сложного сюжета.

Во времена автора древние евреи твердо верили в доктрину возмездия, по которой считалось, что добро приносит хорошие результаты, а зло плохие. Все грехи наказываются, ничто не проходит безнаказанно. Отсюда логически вытекает, что любое страдание посылалось за грехи, страдающий человек обязательно должен быть грешником. Между грехом и страданием устанавливалась прямо пропорциональная зависимость. Если Иов потерял все на свете, значит он согрешил. Верующий Иов задумывается о своей невинности, которая противоречит его вере, постепенно его начинает волновать мысль о невинности остальных страдальцев. Так Иов доходит до сомнения в справедливости Яхве. Его жена, играющая роль пособницы дьявола, подбивает его похулить бога и умереть. Три друга Иова Елифаз, Вилдад и Софар предлагают ему признаться в своих грехах, но Иов отказывается лгать и кривить душой в угоду Богу. Молодой мудрец Элигу пытается убедить Иова, что Бог посылает людям кару, чтобы страданиями заставить человека думать. Вместо того чтобы отречься от Бога, как это предсказывал Сатана, Иов вызывает Бога на открытое объяснение лицом к лицу, не боясь последствий. Интересно, что Яхве принимает приглашение, грозно предстает перед Иовом и говорит о невозможности для человека понять мироздание. Иов кается, и Бог прощает его, наградив долгой жизнью и новыми детьми.

История страдающего праведника Иова на протяжении многих лет волновала Достоевского. Находясь по настоянию докторов на лечении в Германии, 10 июня 1875 г. Достоевский пишет своей жене: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу по комнате, чуть не плача, и если бы только не подлейшие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив» (17, 423). Признание Достоевского наводит на интересный вопрос: на каком языке он читал Библию в России.

В IX в. основная часть Библии была переведена Кириллом и Мефодием на южнославянский диалект, на котором в древности говорили болгары и который по традиции называется церковнославянским, так как их миссией было донести ее славянам. Работу Кирилла и Мефодия продолжили их последователи, причем язык славянской Библии был хорошо понятен русским. После крещения Руси князем Владимиром в 988 г. вместе с христианством связанная с ним духовная христианская литература стала распространяться на Руси, и она имела хождение тоже на церковнославянском. Первые два столетия высшее русское духовенство частью состояло из греков-византийцев. До того как они были направлены на Русь, они проходили религиозное обучение на церковнославянском, с тем чтобы могли объясняться с русскими правителями. До татаро-монгольского нашествия в XIII в. отношения с Византией были настолько крепкими, что постепенно церковнославянский язык стал официальным государственным языком: законодательство, договоры, постановления и литературные произведения были написаны на

церковнославянском. Библейские выражения прочно вошли в разговорный язык образованных русских. Перевод Библии на разговорный язык, который продолжал свое закономерное развитие и к XV в. радикально изменился, был долгое время запрещен церковью, и любые попытки в этом направлении считались ересью.

В 1712 г. появился указ Петра I о новом издании славянской Библии. В 1751 г. по распоряжению Елизаветы Петровны Библия на церковнославянском была издана в исправленном виде, для чего «справщиками» были пересмотрены греческие тексты (Септуагинта и Новый завет). С тех пор исправленным ими переводом славянской Библии пользуются до наших дней.

Русские, принадлежавшие к высшему обществу, а также политические и культурные деятели должны были усвоить две лингвистические формы. С одной стороны, они были обязаны в совершенстве понимать церковнославянский язык, чтобы быть признанными соответственно их официальному статусу. С другой стороны, им приходилось общаться на разговорном языке, чтобы быть понятыми нижестоящими по общественному положению. Постепенно русской культурной элитой было создано то, что сегодня называется русским литературным языком, в котором до настоящего момента горячо обсуждаются лингвистические нормы. Литературный русский язык почерпнул из церковнославянского неисчислимое количество понятий, относящихся к религиозной жизни, морали, философии и государственной администрации, большинство из которых пришло из христианской Византии. Синтаксис языка ассимилировал структуру, характерную для церковнославянского. Литературный русский язык стал своего рода мостом между старым церковнославянским и разговорным языками. Человек, свободно владевший русским литературным языком, в IX—X вв. мог понять церковную службу или читать Библию. В большинстве своем неграмотное население России могло участвовать в церковных ритуалах без понимания языка, на котором они велись.

В 1813 г. при Александре I было основано русское Библейское общество, целью которого было распространение Священного писания среди различных народов, проживавших на территории Российской империи. В 1816 г. царь Александр после возвращения из Европы по окончании войны с Наполеоном дал Петербургской духовной академии задание перевести Библию на русский. В 1818 г. вышло первое издание четырех Евангелий по-русски с параллельными текстами на церковнославянском, а в 1822 г. появился первый перевод Нового завета. После 1822 г. выходили и издания переводов книг Ветхого завета (Пятикнижие, Псалтырь, Книги Руфь, Иисуса Навина и Судей). Однако в 1825 г. Александр I, а в 1826 г. Николай I под давлением духовенства запретили употребление Нового завета на русском языке, его распространение и продажу. В 1826 г. русское Библейское общество было распущено, после того как оно выпустило первый том пятитомного издания Библии на двадцати шести языках тиражом, превышающим миллион экземпляров. Часть тиража этого тома была уничтожена. Причиной принятия таких

мер послужил тот факт, что Библия на русском языке облегчила путь проникновению протестантизма в Россию и поэтому превратилась в источник раздора среди мирян.

Полный отредактированный перевод Нового завета стал доступен читателю только в 1862 г. при Александре II. Затем был предпринят перевод Ветхого завета с иврита, которым руководствовались при переводе Септуагинты и Вулгаты. В 1876 г. Библия впервые вышла полностью в переводе на русский язык. Она называется Синодальной Библией, так как обязана своим появлением Священному синоду.¹

Ф. М. Достоевский родился в 1821 г. Его отец, военный врач, был глубоко религиозным человеком, «исполняющим все законы, требуемые православной церковью»,² и широко использовавшим церковнославянские выражения в письмах к жене. Очевидно, Достоевский впервые познакомился с Книгой Иова на церковнославянском языке. В это время ему было восемь лет. Интересно было бы знать, насколько хорошо он владел этим языком в таком возрасте. В любом случае, ссылаясь на Иова в своих работах, он не обращается к церковнославянскому, как это делает Лев Толстой, цитируя Библию.

Книга Иова с так раздражавшими его комментариями скорее всего была французским переводом Леруа, изданным во Франции в 1865 г. С годами привязанность Достоевского к Книге Иова возрастала, по мере того как увеличивались его личные страдания: его мать умерла, когда ему было 16 лет, его отец был убит, когда Достоевскому исполнилось 18, в 29 лет он пережил смертный приговор, прочтенный ему на месте казни за участие в социалистическом кружке Петрашевского. Казнь была заменена пятью годами каторги в Сибири, за которыми последовали 5 лет ссылки. Смерть первой жены пришла через семь лет после их свадьбы, за нею последовала смерть брата, человека, которого писатель любил больше всех на свете и долги которого принял на себя. К злополучному пристрастию к карточной игре присоединились и другие беды: умер его первый ребенок — двухнедельная девочка Соня, а потом в трехлетнем возрасте младший сын Алексей. Константин Мочульский, один из лучших биографов Достоевского, приходит к следующему заключению: «Из всей Библии Достоевский больше всего любил Книгу Иова. Он сам был Иовом, спорящим с Богом о правде и правосудии. И Бог послал ему, как Иову, великое испытание веры. Никто так бесстрашно не боролся с Богом, как автор „Легенды о Великом Инквизиторе“, никто с такой любовью не спрашивал Его о справедливости устройства мира, и никто, наверное, так не любил Его. Но святой из Ветхого завета был утешен, когда у него родились

¹ См.: Жизнь Иисуса Христа и история первой церкви // Slavic Gospel books. Chicago, 1981. P. 255—256. Для справок ср.: Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978. С. 26—260; Рижский М. И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

² Frank J. Dostoevsky: The seeds of revolt. 1821—1849. Princeton; Guilford, 1976. P. 51. Перевод мой.

другие дети, и забыл об умерших. Иов-Достоевский не мог сделать этого».³ Очевидно, Книга Иова стала так близка Достоевскому еще и потому, что поднятые в ней проблемы рассматривались им на фоне событий, которые были похожи на обстоятельства его личной жизни, а вопрос о незаслуженном страдании задавался в близкой ему по духу форме и полностью соответствовал его религиозным взглядам.

Вопрос о страданиях невинных как основной мотив предания о Иове занимает важное место в философии Достоевского. В России и за рубежом хорошо известна точка зрения Достоевского, согласно которой человек очищается от своих грехов только через страдания. Человеческие страдания неисчислимы, а со времен Иова неизмеримо возросли. Никто не станет этого отрицать и, как утверждают Иван Карамазов и старец Зосима, никто в этом не виноват. Однако Иван Карамазов видит только страдания и поэтому не может принять божий мир. Бог молчит и не откликается на плач невинно пострадавших, по словам Иова: «В городе люди стонут, и душа убиваемых вопиет, и Бог не воспрещает того».⁴ Это замечание очень похоже на исповедь Ивана Алеше: «...принимаю бога (...) принимаю и премудрость его (...) в окончательном результате я мира этого божьего — не принимаю (...) Я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что (...) в момент вечной гармонии случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови (...) но я-то этого не принимаю и не хочу принять!» (14, 214—215).

Для Ивана совершенно неприемлемы страдания детей: «...если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети (...) для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? (...) для кого-то будущую гармонию? (...) И если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне не понятна» (14, 222).

Иван признается, что считает себя рассудительным человеком, который во всем доискивается смысла и следует законам человеческой логики до самого окончательного вытекающего отсюда последствия. «Я клоп и признаю со всем принижением, что ничего не могу понять, для чего всё так устроено (...) О, по-моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что всё одно из другого выходит прямо и просто, что всё течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться!» (Там же). Иван отвергает оправдание зла, принятое героем в конце Книги Иова. Он ослеплен жизненной

³ Mochulsky K. Dostoevsky. Princeton (N. J.), 1967. P. 333. Перевод мой.

⁴ Библия. Ветхий завет. Книга Иова, гл. 24, ст. 12.

правдой о том, что люди должны страдать, и восстает против такой жестокости.

Старец Зосима разделяет точку зрения, диаметрально противоположную той, что у Ивана. На религиозность старца Зосимы уже в детском возрасте в огромной мере повлияло чтение Книги Иова. О значении детских впечатлений, во время которых наступает неожиданная набожность или просветление рассудка, также говорит духовный приверженец старца Зосимы Алеша Карамазов. Такие воспоминания он считает лучшим воспитанием.

Однако мотив Иова лишь косвенно присутствует в трактовке проблем зла Иваном Карамазовым. В ходе разговора с чертом становится ясно, что черт не что иное, как психологическое отражение совести Ивана, его кошмар, как на то указывает название главы. Это дьявольская сторона души Ивана. Черт делает критические замечания по поводу процесса потерь, установленного Богом при выявлении праведников: «... (я) исполняю мое назначение: губить тысячи, чтобы спасся один. Сколько, например, надо было погубить душ и опозорить честных репутаций, чтобы получить одного только праведного Иова, на котором меня так зло поддели во время оно!» (15, 82).

Детские религиозные переживания наложили неизгладимый отпечаток на веру Зосимы, когда ему было восемь лет. Он на всю жизнь запомнил мгновение, когда вдруг совершенно неожиданно для себя понял смысл Книги Иова, прочитанной в церкви на церковнославянском, хотя позднее он цитирует ее на русском.

Главные идеи, выделенные Зосимой в Книге Иова, довольно близки взглядам самого Достоевского. Прежде всего, Зосима интерпретирует книгу не с точки зрения человеческой психологии (рассматривающей состояние невинно страдающего индивидуума), а как великую тайну: «...и великое, что тут тайна, — что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе. Перед правдой земною совершается действие вечной правды. Тут Творец (...) смотрит на Иова и вновь хвалится созданием своим. А Иов, хваля Господа, служит не только ему, но послужит и всему созданию его в роды и роды и во веки веков, ибо к тому и предназначен был» (15, 265).

Вера Иова и его страдание искупают, по религиозным убеждениям Достоевского, прегрешения многих людей, и Иов становится образцом праведника. Интересно, что так же воспринимает Книгу Иова американский теолог Юджин Гудхарт: «...окончательная гармония, к которой приводит книга, полностью основана на тайне — то есть ни на чем, что можно было бы объяснить современным рационализмом или психологией».⁵ Еще интереснее литературная критика Гудхарта: интерпретацию Достоевского он приводит как пример неправильной интерпретации Иова. Гудхарт рассматривает «Записки из подполья», которые служат «наглядным примером того,

⁵ Goodheart E. Job and modern world // 20th Century interpretations of the Book of Job. Englewood Cliffs (N. J.), s. a. P. 102. Перевод мой.

что случается с протестом Иова в современном мире (...) к чему приводит протест романтиков: отказ покориться неизбежному, смешанные любопытство и ненависть, неверие в неизбежность (...) Повесть буквально наводнена парадоксами, она показывает, что происходит с человеком, когда он замыкается в самом себе, когда его личность заменяет ему реальный мир».⁶ Гудхарт не упоминает, что для Достоевского Человек из подполья — не решение проблемы, а скорее диагноз болезни.

Иван Карамазов, духовный родственник Человека из подполья, помог бы Гудхарту найти путь к старцу Зосиме, выражающему взгляд Достоевского на Иова. Основная тайна книги Иова, как ее видит Гудхарт, заключается в подлинности последнего жеста Иова — его подчинения Богу, которое произвело такое глубокое впечатление на Зосиму (выраженное в словах: «...и раб его, восклицающий: „Буди имя твое благословенно, несмотря на то, что казнишь меня“» — 14, 264); однако в тайне подчинения Иова содержится одно важное условие. Оно соответствует единственному требованию Зосимы к ближним — искренности к себе и окружающим. Он настоятельно советует г-же Хохлаковой: «Главное, убегайте лжи, всякой лжи, лжи себе самой в особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, всякую минуту (...) Страха тоже убегайте, хотя страх есть лишь вследствие всякой лжи. Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия...» (14, 54). Великому грешнику Федору Карамазову, отличающемуся беспредельной способностью причинять зло, старец Зосима может сказать только одно: «Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уже никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи людям и себе самому» (14, 41).

Обращаясь к Иову как к прообразу, воспринятому Достоевским на основе личного опыта и переживаний, Зосима приходит к выводу о необходимости искренности к себе, которая приводит к искренности веры, что очень похоже на предписание Киркегора читателям черпать силу духа у Иова: «...и прежде всего, учитесь быть искренними с собой у Иова, так чтобы вы не могли заблуждаться насчет какой бы то ни было воображаемой силы, при помощи которой вы переживаете воображаемые победы в воображаемых столкновениях».⁷ Киркегор считает, что искренность Иова по отношению к самому себе сопутствовала ему во время его страданий: «Он (Иов) не скрывал от себя, что у него все отнято; вследствие чего Господь, отобравший все, остался в его честной душе. Он не избегал мыслей

⁶ Ibid. P. 103—104. Перевод мой.

⁷ Kierkegaard S. On the example of Job // The voice out of the whirlwind: The Book of Job. S. 1., s. a. P. 150. Перевод мой.

об этом, — (всё) было потеряно; вследствие чего душа его спокойно отдыхала до того, как объяснение Господа вновь пришло к нему и нашло в его сердце достойную, спокойно обработанную почву».⁸

Оставшись искренним, человек запомнит свои страдания, утраты и останется счастливым, или, по словам старца Зосимы: «И сколько тайн разрешенных и откровенных: восстанавливает Бог снова Иова, дает ему вновь богатство, проходят опять многие годы, и вот у него уже новые дети, другие, и любит он их — Господи: „Да как мог бы он, казалось, возлюбить этих новых, когда тех прежних нет, когда их лишился? Вспоминая тех, разве можно быть счастливым в полноте, как прежде, с новыми, как бы новые ни были ему милы?“ Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человеческой переходит постепенно в тихую умиленную радость...» (14, 265). Развив свои идеи на примере Иова, старец Зосима предлагает читателю ответ на вопрос о страдании, прямо противоположный принципам тоталитарного государства Великого Инквизитора, изображенного Иваном в поэме, государства, где нет страданий или лишений, но люди несвободны. Решение Зосимы основано на принятии и даже на признании необходимости страданий ради искупления, на признании красоты, морали и эстетики Божьего мира — понятий, уходящих глубокими корнями в русскую традиционную культуру. Божий мир представляет собой природу во всем ее разнообразии, которая должна быть принята человеком, так как это его родной мир, в котором он должен научиться находить красоту и чудо при всей его таинственности. Природа и Божий мир так же нужны человеку для нахождения пути к Богу, как и Священное писание. Зосима сам понял свое призвание монаха однажды утром, готовясь к дуэли с другом. Красота окружающего мира пробудила в нем искренность перед собой, и он отошел от разврата, свойственного молодости. Он отказался стрелять в соперника, не боясь, что офицеры полка сочтут его трусом.

Очень важно следующее описание природы как места, где все живое общается с Богом. «Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, всё тихо, благолепно, всё Богу молится. И не спим мы только оба, я да юноша этот, и разговорились мы о красе мира сего Божьего и о великой тайне его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну божию свидетельствуют, беспрерывно совершают ее сами (...) „Истинно, — отвечаю ему, — всё хорошо и великолепно, потому что всё истина. Посмотри, — говорю ему, — на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике (...) Как всё божие хорошо и чудесно!“» (14, 267—268). Здесь у До-

⁸ Ibid. P. 146. Перевод мой.

стоевского очень наглядны отголоски поэмы, посвященной Богу как повелителю природы из Книги Иова (главы 38 и 39), где Бог раскрывает Иову на конкретных примерах тайну живого мира, чтобы он лучше понял Его.

Книга Иова была так близка Достоевскому еще и потому, что в главе 19 спорные строки 25—27 в его понимании устанавливают прямую связь Ветхого завета с Новым. В Синодальной Библии, прочитанной писателем скорее всего до или во время работы над «Братьями Карамазовыми», они переведены на русский язык следующим образом:

«25. А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою эту;

26. И я во плоти моей узрю Бога.

27. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого увидят Его».⁹

Интересно напомнить следующий эпизод из жизни Достоевского, указывающий на природу его религиозных убеждений. 24 марта 1878 г. он пишет Н. П. Петерсону: «Я и Соловьев (имеется в виду Владимир Соловьев, впоследствии известный философ-мистик, много писавший о Софии — Премудрости Божией, сторонник обоюдного сближения восточного православия и католицизма. — *Н. Е.*), по крайней мере, верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле» (15, 604). Эта идея выражена в последних строках «Братьев Карамазовых», произведения, которому, по замыслу Достоевского, предназначалось донести до читателя религиозные идеи, накопленные писателем в течение всей его жизни.

« — Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно раскажем друг другу всё, что было, — полусмеясь, полу в восторге отвешал Алеша» (15, 197).

В черновиках к роману Достоевский подчеркивал важность веры в то, что мы оживем и найдем друг друга при наступлении всеобщей гармонии; он утверждал, что воскресение из праха наших предков зависит от нас.

Приведенные религиозные убеждения, разделяемые Достоевским, исходили от русского философа Н. Ф. Федорова (1828—1903), который при жизни не напечатал почти ничего (как мы полагаем, из страха быть отлученным от православной церкви), но чье учение распространялось его последователями Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым в петербургских салонах. Среди прочих идей, которые Достоевский считал частью религиозной доктрины Федорова, было утверждение, что воскресение из праха наших предков зависит от нашей веры и что воскресение это будет физическим и произойдет на земле.

Книга Иова притягивала к себе Достоевского не только своей мудростью. В ней он находил огромное утешение. Даже необразо-

⁹ Библия. Ветхий завет. Книга Иова, гл. 19, ст. 25—27.

ванные персонажи его произведений, притесняемые и терпящие лишения, старики, порабощенные русским крепостным правом, ссылаются не на Евангелие, а на Книгу Иова (Григорий, приемный отец Смердякова, Макар — умирающий названный отец Аркадия — пытаются найти смысл своих страданий в духовном восстановлении Богом Иова).

Достоевский обращался к Книге Иова для проникновения в тайну страдания невинных и придавал ей мистический смысл. Однако он пошел дальше этого. Его разрешением вопроса о человеческих бедствиях стала доктрина действенной любви, проявления милосердия к ближним без ожидания вознаграждения. Но тема эта выходит уже за рамки проблематики данной статьи.